

Последние капли дождя

Рассказ

1.

Всё черно вокруг и наполнено мерцающими звёздами. Ты один в этом фантастическом мире, растворяешься в нём, можешь дотронуться до звёзд – стоит только протянуть руку... И нет никакого самолёта, есть только ты и музыка. Она звучит в сердце, заставляя вспоминать, мечтать, думать о Вечном... И лишь когда вдруг проваливаешься в воздушную яму, надрывной звук внезапно загудевшего мотора напоминает о реальности. Там, куда падает маленькая «Цесна», будто на фотобумаге начинают проявляться тёмные силуэты горных вершин. Россыпи огней на перевалах и на взгорьях, ещё мгновение назад казавшиеся неподвижными, устремляются навстречу, и ты ясно понимаешь, чувствуешь каждой своей клеткой, что это не звёзды.

Скоро уйдёт ночь, и над утренней туманной дымкой вырастут острые очертания массива Монблан. Здесь каждый разворот и снижение таят в себе опасность. Посадочная полоса короткая, узкая, идёт под наклоном и начинается совсем рядом с отвесной скалой. И чтобы не угодить с размаху в эту гору, нужно всё разглядеть и точно рассчитать. А внизу ничего не видно. Мощные потоки воздуха срывают со склонов снежную пыль, которая плотно покрывает аэродром, блестит, отражая лучи солнца, и колыхается. Шевелится, будто кто-то неведомый забрался под это огромное белое одеяло, только что мирно спал под ним прямо на полосе, а теперь вдруг проснулся и пытается выбраться.

Каждый такой полёт дарит радость. Заснеженные вершины на фоне зелёных лугов, тёмно-синего леса, предгорья и бесконечное голубое небо! Но не только красота снова и снова влечёт тебя в облака. Главное – это контраст между упоением природой и острым ощущением опасности и риска.

Остались позади Альпы с посадкой в Куршевеле, перелёт через Пиренеи, наконец, Малага. Уже сегодня можно расслабиться в каком-нибудь городке поблизости.

В Марбелье зима облачна и скучна, но воздух остаётся тёплым и влажным. Среди рыхлых соцветий белого вереска, не сожжённого летней жарой, тут и там высятся стебли стрелиции. Цветы её, будто сказочные птицы с длинным клювом, вытянули головы с торчащими в разные стороны яркими перьями и тревожно всматриваются вдаль, охраняя тишину курортного городка.

Вдруг начинается дождь, и с гор срывается поток воздуха. Он несётся вниз, пробираясь между высокими белыми зданиями отелей. Набережная вмиг пустеет, исчезают запахи цветов, а люди, только что беспечно прогуливавшиеся вдоль моря, прячутся в защищённые от ветра кафе. Пережидая непогоду, они с интересом наблюдают за струями фонтана. Те неожиданно исчезают, а вместо них в воздухе плывёт огромное облако водяных брызг.

За последний год Антон успел полюбить этот городок и был рад вдруг очнуться здесь вновь после напряжённой недели каждодневных перелётов из Швейцарии в Испанию и обратно. Он шёл по узкой крутой улочке Старого города, и его взгляд то устремлялся на древнее здание Часовни Сантьяго, то безразлично скользил по разноцветным шляпкам, кофточкам и шарфикам, вывешенным возле многочисленных магазинчиков. Зрелые апельсины, только что сорванные ветром, беспорядочно скатывались по узорной плитке вниз, к проспекту, под колёса проезжающих машин. Антон поднимался вверх, навстречу тонким ниточкам ручейков, поблескивающих серебром от света витрин, и опасался лишь одного – поскользнуться, нечаянно наступив на оранжевый плод.

И вдруг что-то заставило Антона остановиться у одного из больших окон. Перед ним была кофейня. Антон почувствовал, что по жилам растекается наслаждение от запаха горьковатого кофе, ванили, миндаля и марципанового теста, от изобилия украшенных кремом сладостей, от пышущих жаром чуррос. Предвкушая праздник чревоугодия, он вошёл в этот кондитерский рай и справа у окна заметил компанию, собравшуюся за большим столом.

Двое мужчин почтенного возраста что-то деловито доказывали друг другу, три молодые женщины с наброшенными на плечи одинаковыми клетчатыми накидками сидели и разговаривали, благодушно улыбаясь. Одна из них что-то проворно поправила в одежде игривого шалуна лет пяти, затем легко взмахнула рукой... Антон узнал бы этот жест из тысячи...

Перед ним была Катя.

2.

Впервые они встретились лет десять назад, в новогоднюю ночь, на даче у общих знакомых. Антон сразу увлёкся Катей и, хотя та пришла со своим ухажёром, каким-то бизнесменом, старался не отходить от неё ни на шаг. Стройная, с правильными тонкими чертами лица и большими светло-кариими глазами, она казалась мечтательной, озорной и беззаботной одновременно. Но не внешняя красота, а что-то необъяснимое притягивало Антона. То ли движение руки, лёгкое, чуть заметное, словно отмахивается от чьей-то излишней назойливости, то ли изредка звучащие низкие нотки в голосе, такие, как у курильщиков или простуженных, неожиданные, с приятной бархатной хрипотцой. Ему нравился её взгляд, искрящийся из-под опущенных ресниц, который одновременно был и игривым, и ласковым, и нескромным.

Гости перезнакомились, несколько раз выпили за Старый год и даже успели потанцевать, но не успели открыть шампанское под бой курантов. Сначала сломалась пробка. Вторая бутылка, тотчас появившаяся в руках хозяина и, видимо, слишком охлаждённая, вообще не хотела откры-

ваться. Тогда, позабыв загадать желания и чокнувшись фужерами с обычным красным вином, компания вдруг разом высыпала из комнаты с камином на крыльцо, украшенное гирляндами из мигающих лампочек. Хозяева позвали гостей на берег недавно замёрзшего залива полюбоваться на самодельный праздничный фейерверк и ледяной замок, сотворённый местным умельцем.

Весь последний день года лил дождь, подморозило только к вечеру, а в ночь повалил рыхлый снег. Ледяной замок успел подтаять, но от этого стал только красивее, и теперь походил на постройки Гауди. Салют в честь наступившего года никого не удивил. Искры, шум, цветное пламя, взлетели вверх несколько красных и зелёных звёздочек, осветили лёд, потом медленно затухли и, упав в снег, громко зашипели. На этом как будто представление и закончилось. Наплывшие облака закрыли полную луну, и стало темно. Кто-то зажёг и раздал гостям бенгальские огни, потом все зачем-то разбежались искать несгоревшие гильзы от пиропатронов.

Следующий залп из нескольких петард оказался неожиданным и громким. Хозяйские собаки, до этого радостно гонявшиеся за мячиком по заснеженному льду, завияли хвостами и прильнули к Кате, из всех гостей для защиты выбрав именно её. Они так крутились, толкаясь мордами в её колени, что Катя, потеряв равновесие, оступилась, поскользнулась и упала на мягкий снег. Она вскрикнула, меховая шапка свалилась с её головы, волосы рассыпались вокруг лица. Бенгальский огонь, сея холодные искры, выпал из рук, а собаки, испугавшись ещё больше, поджав хвосты, кинулись домой.

Через мгновение в сумраке кто-то склонился над Катей. Будто играя, она чуть приподнялась и протянула вверх руки. Перед ней был Антон. Пытаясь помочь, он нагнулся ниже, обхватил Катю за талию, поставил её на ноги, но тут же подскользнулся и упал, уронив её на себя. От неожиданности несколько мгновений они лежали неподвижно. Длинные волосы с мягким запахом лаванды приятно касались лица Антона, сверху на него выжидающе смотрели

широко раскрытые глаза с искоркой лукавства. Он слышал глубокое дыхание, всем телом чувствовал влекущую близость Кати и вдруг стал её целовать. Опасаясь, что этот случайный и сладостный миг может закончиться, он быстро целовал её шею, щёки, глаза... И, наконец, его горячие поцелуи встретили отзывчивые губы Кати.

Яркая вспышка от очередного залпа осветила всё вокруг и мгновенно разлучила их. Некоторое время спустя, накричавшись и наохлавшись кто от деланного, кто от искреннего восхищения, компания вернулась в дом продолжать прерванное застолье. До самого отъезда Антон и Катя так друг с другом ни о чём и не поговорили. Следя за ней, за каждым её жестом, каждой улыбкой, Антон искал и не находил какой-нибудь знак, понятный только ему.

3.

Его с детства увлекали спорт, авиаклуб и стремление к риску, ей нравились музыка, пение, гармония семьи и душевное спокойствие. Оба два года назад окончили разные вузы, но у каждого диплом экономиста. Впереди карьера учёного, будущее ясно и предопределено. И вдруг обрыв! Страны не стало. Как в калейдоскопе, всё завертелось вокруг: наука исчезала, бизнес зарождался и тут же рушился, деньги появлялись и пропадали, партнёры предавали, приятели разбегались. Теперь были нужны только доллары, интересовал только успех.

Откуда ни возьмись, появился известный музыкальный продюсер и потянул Катю совсем в другую жизнь: музыка, песни на английском языке, поклонники, приличные деньги от дорогих корпоративных вечеринок, поездки за границу с концертами. Зрители с ума сходили от неё, такой подвижной, гибкой, привлекательной. Всех завораживал её тёплый, густой, низкого тембра голос, чем-то похожий на тот, какой был у Таниты Тикарам. Катю слушали, ею любовались, и это доставляло ей удовольствие. Конечно, она понимала, что такая карьера – дело случая, многое зависело от её отношений с продюсером, да и вообще, это же шоу-бизнес – не так посмотришь, и всё кончится!

Антон тоже вдруг почувствовал, что теряет в жизни нечто по-настоящему важное. Спыхватился и кинулся в омут поэзии, стал учить французский, а потом, как в вакуум, его засосало небо. Вскоре в автомобильной катастрофе погибли родители, и он остался совсем один. Нужны были деньги, и Антон, как заправский экономист, мастерил добротные бизнес-планы. Некоторые из них успешно реализовывались, и тогда предприниматели одаривали своего спасителя поддержанными автомобилями и поездками за рубеж. Из этой манны небесной он скопил кругленькую сумму и отправился по приглашению в Австрию. Там Антона взяли в небольшую авиакомпанию. Взяли, потому что у него имелся сертификат Вильнюсской международной авиашколы, около двухсот часов налёта на одномоторном самолёте, и – самое главное – он был знаком с сыном президента компании.

4.

Катя и Антон жили каждый своей жизнью, часто и подолгу находясь вдали друг от друга. Несмотря на неожиданно странное завершение их первой встречи, была и вторая, а потом и третья... Они старались оберегать себя от тысячи мелочей пресного быта, от всего обременяющего, отвлекающего и рискованного, ради того, чтобы вновь и вновь испытывать сильное чувство, подобное влюблённости с первого взгляда.

Всякий раз, оказавшись в родном городе после нескольких месяцев отсутствия, Антон шёл по утренним полупустым улицам центра, проходил мимо ещё закрытого Кузнечного рынка, любовался недавно восстановленной часовней, где уже горела лампадка, а потом приходил в знакомый двор. В старом доме среди узких окон третьего этажа было два Катиных. Скрываясь за горкой на детской площадке, он долго смотрел на них, тщетно пытаясь увидеть её силуэт. Можно, конечно, подняться и позвонить в дверь! Но Антон не хотел. Катю всегда опекали мужчины из шоу-бизнеса, музыканты, поэты, продюсеры. Он знал это, не раз видел её ухажёров, хотя чувства ревности при этом никогда

не возникало. У него ведь тоже были похожие связи. Поэтому, стоя у Катиного дома, он всегда ждал. Ждал, вдруг погаснет свет в окне, и она выйдет.

Если она одна выходила из подъезда, он прятался и долго шёл за ней следом. Временами то деревья, то какой-нибудь неповоротливый троллейбус скрывали от него её фигуру. Боясь, не исчезла ли она, не свернула ли в переулок, он торопился миновать мучительное препятствие и, снова увидев Катю, останавливался облегченно вздохнуть. Так продолжалось долго, пока ему вдруг не представлялась возможность ловко и незаметно обойти её, а потом, столкнувшись лицом к лицу, изображая занятого человека, как ни в чём не бывало наигранно-растерянно произнести: «Катя!? Ты ли это? Здравствуй...»

Она бросала все дела, и они уезжали на электричке за город, на берег тихо журчащей речки, скрытой кустами черёмухи. Иной раз просто бродили по лесу. Однажды за яркой россыпью полевых цветов им распахнулось огромное жёлто-серое поле. Пробравшись на его середину, Катя и Антон долго-долго лежали там, на тёплой земле. И не существовало в этом мире ничего для Кати, кроме его ласковых рук, а для него – мягких Катиных волос рядом с его лицом.

Потом они молча смотрели в небо, и сквозь облака проглядывала яркая осенняя синева. Её пересекала длинная тонкая белая нить – след от реактивного самолёта. Вдруг эта нить оборвалась, и высоко в небе послышался хлопок... Катя вздрогнула, тревожно взглянула на Антона и крепко сжала его руку... Вокруг них был только сплошной лес из уже пожелтевших пшеничных стеблей, лениво раскачивающихся на лёгком ветру зрелые колосья, да редкие, такие же яркие как небо, васильки... А в небе, сбросив свой привычный белый шлейф, продолжала двигаться блестящая на солнце точка.

5.

Они не виделись почти год. Катя вместе с ансамблем прилетела на рождественскую неделю в Ванкувер. Три дня

на концерты, ещё три на отдых, потом Калгари, Торонто и Монреаль. Антон к тому времени уже полгода летал вдоль Атлантического побережья от Калифорнии до Ванкувера, обслуживал чартеры. И вот ему представилась неделя отдыха в заснеженной Британской Колумбии.

Случайно взглянув на афишу, Антон увидел название российской музыкальной группы и знакомую фамилию. Ни с чем несравнимые чувства вдруг ожили, наполнили душу, захватили и уже не отпускали. Повинуясь зову сердца, он через весь город пешком направился к зданию Театра Королевы Елизаветы.

Гастроли уже заканчивались, и этот день был последним. Антон проник за сцену, долго бродил между кулисами, складскими помещениями, «карманами» с небрежно разбросанными декорациями, пока не попал в узкий коридор с гримёрками и там, наконец, разыскал Катю. Она сидела на стуле напротив большого зеркала в деревянной узорной раме и лёгкими, только ей присущими движениями руки, будто отмахивалась от кого-то, снимала грим влажными салфетками. На столе, на полу, на диванчике у стены, всюду лежали цветы...

«Катя!? Ты ли это? Здравствуй!» – тихо как пароль произнёс Антон. Она вздрогнула.

А потом была ночь. И эта ночь для них была как первая...

Еле-еле пробивался рассвет. Катя взглянула на Антона. Непослушная прядь на макушке придавала его облику что-то детское, а лицо казалось таким родным, что хотелось погладить закрытые глаза, провести ладонью по небритым щекам, коснуться мускулистых плеч...

Да, она влюбилась в Антона с того самого момента, как впервые увидела его серые глаза, напоминающие осенний дождь. А эти длинные ресницы! Они так щекотно моргали во время их нечаянного поцелуя. Но как же он был робок тогда! Антон, упав на снег рядом с Катей, лежал и чего-то ждал. Всего мгновение, но Кате казалось, что прошла целая вечность. Странно, она потом забыла об этом. Теперь вспомнила. Вспомнила его маленький, почти незаметный

шрам на щеке. Он говорил, что это от удара о разбитое стекло кабины во время неудачной посадки. Катя сразу заметила этот шрам и даже хотела прикоснуться к нему губами... Но, фейерверк! С него всё началось... – им и закончилось.

Катя вынырнула из потока воспоминаний, поднялась и, завернувшись в одеяло, подошла к окну. Огромными белыми хлопьями падал густой снег. Ещё горел жёлтый свет уличных фонарей, напоминая про оставшуюся в прошлом бурную ночь. Этот рассвет был каким-то особенным и дарил надежду. Поднявшись на цыпочки, Катя приоткрыла окно и, протянув ладонь, стала ловить снежинки. Ей казалось, что пока они не растаяли, она успеет загадать желание. Но снежинки таяли на её тёплой ладони, и получались капли... «Как же быстро всё уходит!» – вдруг подумала Катя, и слёзы неожиданно покатились из её глаз. Антон проснулся, подошёл, целуя её затылок, попытался заглянуть Кате в лицо, но та отворачивалась – не хотела, чтобы он видел эти слёзы. Тогда Антон взял Катю за плечи, повернул к себе лицом и стал целовать. Его губы нежно снимали с её щёк и ресниц капли слёз. Лёгкое одеяло медленно поползло вниз и соскользнуло, обнажив хрупкое плечо, белую грудь и загорелую бархатную кожу влекущего к себе бедра... Его руки крепко обхватили Катю за талию и он прошептал: «Я всегда буду с тобой...» От тепла этих слов дрожала каждая клеточка её тела, а чтобы этот миг длился вечно, хотелось замереть и не дышать... Даже рай для неё представлялся именно таким, заснеженным, с ещё не погасшей на сумрачном утреннем небе огромной луной – вот так стоять рядом у окна и смотреть на этот снег.

Двое суток они не покидали жилища, которое Антон всегда снимал, прилетая в этот город. Два дня почти ничего не ели, ни о чём не думали, но она мечтала...

И вот наступило последнее утро. Катя первый раз в жизни летела, находясь в кабине самолёта. Ох, как же ей хотелось окунуться в бескрайнюю синь, которая так часто смотрела на её Антона! Потрогать руками его облака, увидеть ближе солнце! Игрушечная «Цесна» плавно уходила в небо. Внизу тоненькими чёрными ниточками на покры-

той снегом земле петляли дороги, мелькали разноцветные, словно кукольные домики.

А небо, небо!.. Его небо, ставшее теперь для неё таким близким и даже родным... Вот воздушная яма – и на секунды бессознательно ускоряется пульс и биение сердца. Страшно? Ничуть! Она знала, что есть что-то большее, чем двигатели и аэродинамические законы. И это большее – её любовь к Антону, к его небу, к его самолёту, к самой жизни. Она понимала, что радость, которую искала в Антоне, не только в нём таится, а дышит вокруг него повсюду, и что их любовь не просто череда случайных встреч...

В то утро Антон впервые почувствовал, что без Кати, без каждого дня рядом с ней не сможет жить. Не сможет как прежде летать, мечтать, чувствовать... Его единственная собственность – бескрайнее небо, о котором он бредил с самого детства, постепенно исчезала, оставляя его наедине с Катей. Он понимал, что их любовь – особенная и хотя она, как пульсирующий родник, то возникает, то исчезает, – она и свежа, как родник.

Сегодня он увидел, как в их счастье вмешиваются какие-то другие силы, уводя их в разные стороны. Для Кати, как думал Антон, карьера артистки – лишь временное устремление, фон, на котором происходят их мимолётные встречи. Его страсть – это дело, которым он занят. Оно приносит деньги, позволяет сохранять привычный образ жизни, путешествовать, любить Катю... Для Антона утрата возможности летать равносильна потере самого себя. Да и семейная жизнь в полной гармонии чувств и душевном спокойствии – совсем не то, к чему он всегда стремился. Но была и ещё одна причина. На ярком фоне его героической профессии её сразу и не заметишь – не умел он делать выбор в сложных жизненных ситуациях. Не в своей каждодневной работе, где есть прямая опасность! А там, где такого риска нет.

Для них обоих каждая встреча становилась праздником. А сегодня она совпала с рождественским фейерверком, который устраивали местные власти. В предвкушении красочного действа люди толпились вдоль берега. Бухту мед-

ленно заполняли катера и яхты. Они подходили сплошным потоком слева по узкому проливчику, будто автомобили по запруженному проспекту. В ночи был виден только красный свет их задних габаритных огней. В небе вокруг баржи, откуда запускали салют, в ожидании представления барражировали лёгкие самолётики.

Вспыхнули первые залпы фейерверка, над гладью моря зазвучала музыка, и её звуки, будто заколдованные, стали проникать в душу Антона, заставляя увидеть одновременно и прошлое, и будущее. Вот шелестит залитое солнцем соломенное поле пшеницы, прорезанное тонкими нитями синих васильков, вот шум листьев черёмухи. Потом эта чудесная музыка проникает ещё глубже, и уже под скрытую полифонию фуги линия одного голоса разделяется на две... Высоко в небе вспыхивают разноцветные шары. Их мерцающие огоньки разлетаются, словно пушинки одуванчиков, вновь соединяются и уже в виде двух огромных, закрученных вселенных под тревожные, пронзительные звуки скрипок устремляются в разные стороны...

На следующий день Катя улетела.

6.

Продолжались гастроли по Канаде. Катя пела, танцевала, меняла города, снова пела и только ночью, когда прекращалось наркотическое действие сцены, одни и те же вопросы начинали её мучить, не позволяя уснуть. Почему они вообще встретились, такие разные? Почему полюбили друг друга? Он в небе – она на земле. Он один, наедине со своими звёздами, она – всегда в гуще зрителей и поклонников. Будто противоположно заряженные частицы притянулись друг к другу, столкнулись случайно, и после уже никакая сила не сможет, казалось, их разлучить. Но куда деть ту грусть, которая исподволь уже накопилась в душе от повторения как будто счастливых и беспечных, а на самом деле, таких безнадёжных встреч? Сможет ли Антон оставить небо? Она всегда мучилась этими сомнениями, когда они расставались, хотела понять, что будет потом, как жить завтра, послезавтра?..

Под конец гастролей ей приснился сон. Будто Антон едет куда-то на машине, а она под проливным дождём, вся промокшая, долго бежит рядом, размахивает руками, стучит в окно... Но вот автомобиль замедлил ход и, уткнувшись в дерево, остановился... Она тоже остановилась... Стекло не опускается, дверь не открывается. В машину не попасть. Никто не выходит... И не разглядеть, кто там, в машине. Она продолжает неподвижно стоять, а в какой-то момент вдруг понимает, что Антона там нет. Погиб, разбился, умер!.. Проснувшись от собственного плача, Катя почувствовала нестерпимую боль от осознания того, что всё кончено, и уже никогда не удастся его увидеть, сказать то, что хотела сказать... Выплеснувшись через край души, боль застлала глаза нестерпимо солёными слезами и долго не проходила... благодарная боль – ведь Антон был в её жизни!

После встречи в Ванкувере прошёл год, потом ещё два и ещё... У неё есть сын, она вышла замуж, бросила пение, переехала в другой город... Всё чаще сложные чувства к Антону замещались ясными мыслями, всё более логичными и убедительными казались давние доводы родителей в пользу совсем другой жизни.

«Многие любят дождь, – говорила про себя Катя. – Он стучит по крыше, и этот приятный, успокаивающий звук исподволь заставляет мечтать, думать о будущем, вспоминать прошлое... Приятно? Наверное, приятно. Но я этого никогда не понимала. В детстве в дождь нельзя гулять, становишься старше – опять неприятности – макияжу урон...» Конечно, Катя отдавала себе отчёт, что дождь питает землю и очищает жизнь. Прошёл он – и, пожалуйста, цветы дальше, пой, танцуй. Но всё время быть под дождём? И если есть за что любить этот дождь, то только за то, что он всё-таки кончается... или превращается в снег.

Так и с Антоном, его тёмно-серые глаза похожи на осенний дождь... Уйти от человека, с которым была счастлива, трудно. Но каждый раз, расставаясь с ним, она чувствовала и всё отчётливее понимала, что может столкнуться с настоящей утратой. А вдруг весь этот хрупкий и счастли-

вый мир однажды треснет и рассыплется? Не будет семьи, своего дома, детей... И тогда никакая сцена не сможет дать ощущение душевного равновесия.

* * *

Увидев Катю в кафе, Антон быстро отвернулся и покинул зал. Давили непривычные, обжигающие сознание мысли. Словно Человек-амфибия, однажды встретив любовь и погрузившись в глубокое, доселе неизвестное, но всё-таки земное чувство, Антон уже не мог так же, как прежде, свободно парить в воздухе, полностью отдаваясь лишь этому волшебному состоянию души. Ему надо было делать выбор, а он не мог, не умел. Или уже сделал свой выбор?

Он шёл по улицам Марбельи навстречу лучам уходящего солнца, вглядываясь в лица прохожих, запоминая их улыбки, жесты, движения. Вокруг текла обычная жизнь, беззаботно гуляли прохожие, обнимались влюблённые пары, дети пускали мыльные пузыри, а потом подпрыгивали, пытаясь поймать эти переливающиеся всеми цветами радуги шары...

7.

Минул ещё год. Катя гуляла с сыном в парке. Становилось всё темнее, и когда они уже уходили, хлынул ливень. Рядом лязгнул трамвайный вагон. Спасаясь от непогоды, они вскочили в раскрывшиеся двери и уселись на свободное место. Пожилой, с седой шевелюрой мужчина в пальто и с деревянной тростью, сидел перед ними и читал развёрнутую газету. Катины глаза машинально уткнулись в огромные страницы. Внизу справа где-то под рукой попутчика виднелась чёрно-белая фотография. «Антон! Там его лицо...», – в груди быстро и тяжело застучало, всё вокруг закружилось и стало исчезать за какой-то пеленой, и Катя уже не могла различить, что движется: трамвай или чёрные силуэты людей вокруг, где она и где её сын... Она крепко сжала руку ребёнка, нежно провела ладонью по непослушному хохолку на его макушке и, пряча лицо, отвернулась к окну. Катя обнимала за плечи сына, снова и снова

мысленно возвращаясь в счастливое морозное утро в Ванкувере...

Старый трамвай гремел по улице. Первый снег срывал с веток ещё не опавшие листья. Ветер подхватывал их, они неслись и сбивали мерцающие на стекле последние капли дождя.